

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

Н. И. Иванова

УДК 81'373.2

КРЕАТИВНОСТЬ ОНИМОВ

Реферат. В статье поставлена проблема статуса онимов в языковой системе, который определяется пересечением в его семантической структуре символической составляющей и информативного компонента. Собственное имя – компактный знак глубинного содержания. Когда в ониме реализуется смысловая, концептологическая ориентация, тогда он становится категорией креативной.

Ключевые слова: ассоциативные парадигмы, креативность, концептологическая природа, маркированность, оним, эгоцентричность.

При интерпретации роли онима в устной или письменной речи (не рассматривая его как абстрактную лингвистическую категорию со всеми характерными в этом случае признаками), когда он всякий раз по-разному проявляет особые свои качества, обусловленные свойствами этой речи, весьма трудно избежать субъективизма. В данном исследовании предпримем попытку доказать следующее положение: собственное имя (далее в тексте сокращение – СИ) – это компактный языковой знак глубинного содержания, не уместящийся в привычные понятийные рамки, реализующий концептуальную идею.

В современном лингвистическом пространстве достаточно много работ и в области когнитивной лингвистики (например, исследования А. Е. Кибрик, А. Д. Кошелева, О. Д. Вишняковой, Н. В. Черниковой и др.), и в области изучения онимов с позиций их лексических, грамматических, коннотативных, функциональных и иных особенностей (работы Е. С. Отина, В. М. Калинкина, К. В. Першиной и многих других исследователей). При этом вызывает интерес проблема онима как особой единицы в социокультурном дискурсе, выполняющей свою особую задачу в познании картины мира. Эта работа – попытка ответить на некоторые вопросы, связанные с креативностью онимов.

В языке нет, пожалуй, более эгоцентричной единицы, чем собственное имя (только местоимение “я” может быть сравнимо с онимом в плане абсолютной единичности и тождества с субъектом). Собственное имя, как и местоимение “я”, обозначает свой объект, только будучи соотносённым с ним по условной договорённости, связь между СИ и денотатом не является непосредственной, так как имя репрезентирует вербальную сущность со сложным дополнительным ассоциативным комплексом. Эти конвенциональные отношения между СИ и денотатом и придают имени условный характер отражения объекта. На уровне языка собственное имя является абстрактным вторичным названием. Такая закодированность свойственна не только ониму, она присутствует в других жизненных сферах, так как это – вполне естественный для человеческой ментальности способ предметно-образного мышления. И в этом свойстве онима усматривается его символичность. Но в то же время оним находится и в реальной связи с денотатом, иначе он не смог бы обозначить, называть, т.е. оним вполне конкретен. Он даже информативен, в том смысле, что предстаёт как единственное номинативное значение, денотативно закреплённое и реализуемое на уровне речи, а значит, имеющее ситуативный характер.

Такая дуалистичная специфика собственно-го имени, создающаяся пересечением в его семантической структуре кодовой, символической

составляющей и информативно-индексального компонента, и делают его весьма сложной категорией. Ещё более усложняет понимание онима его дейктическая функция. Ведь оним в первую очередь указывает на объект, выделяя при этом его из видовой группы. Использование онима детерминировано социально, а значит, у говорящего всегда есть возможность выбора того или иного способа номинации объекта, и, кроме того, что онимная номинация – самый индивидуализирующий, конкретизирующий способ, он, как оказывается, и не всегда может быть заменен. И речь в данном случае не идёт о таких семантически объёмных именах-символах, как А. Пушкин, Иван Грозный, Дмитрий Карамазов и т.д. Имена, не имеющие истории, не зафиксированные в сознании общества как креативные, один раз употреблённые в узком контексте, уже приобретают некоторую метафоричность. Так, в повести В. Токкаревой «Центровка» был использован интересный приём именования: героиня многие годы на расстоянии любила некоего Онисимова, как-то увидев, как ей казалось, похожего на него человека, спросила: «Вы Онисимов?» – «Нет». И далее в тексте этот персонаж именуется только *Не Онисимов*. Сам Онисимов – герой лишь упоминаемый (вернее, вспоминаемый героиней), но какова сила связанности человека с именем, что все другие воспринимаются только через призму именно этого онима. И если даже подобное использование имени *не* связано с личностью известной, степень градуальности воздействия вряд ли будет большей: *«Бизнесмен Вексельберг выискивает по миру картины безвестных российских художников. Что ж, стремление к прекрасному, конечно, возвышает. Но это не Третьяков и не Морозов»* (АиФ). Эта частица дифференцирует все лица на две группы, неравные, несопоставимые, несомещающиеся, причём, одна из них представлена лишь одним человеком. Смысловая, концептологическая ориентация в этих ситуациях только на одного индивида реализуется в имени, оно становится категорией эгоцентрической и креативной в координатах текста.

В современной лингвистике изучение языкового эгоцентризма (как устойчивого ядра антропоцентризма в языке) довольно актуально. Работы Э. Бенвениста, Б. Рассела, Г. И. Берестнева дали новый стимулирующий импульс для исследования вопросов, составляющих основу личностного самосознания и способов отражения его в языке. В. А. Гуреев точно заметил, что когнитивно-дискурсивное направление в языкознании является по своей сути эгоцентрическим, и именно этот взгляд позволяет с иных, нетрадиционных теоретических позиций рассматривать проблемы интроспекции, интенциональности в языке [3, с. 67].

Собственное имя, будучи уникальной языковой величиной, как ни какая другая единица впи-

сывается в поле исследования когнитивной науки. Концептологическая природа собственного имени (особенно если это имя мифологическое, художественное, историческое) позволяет ему занять особое место и в системе языка (как формального знака, значение которого задано системой отношений со значениями других знаков и вне этой системы не существующего), и в системе лингвокультурологии (как ментальной сущности, содержащей энциклопедическое, понятийное, эмотивно-оценочное, эстетическое представление). Как формальная единица языка оним подчиняется всем законам языка и может функционировать только в рамках этой системы, и в то же время оним – наиболее обособленная, индивидуализированная единица, связанная с психическими ресурсами человеческого сознания. Учитывая определение концепта, предложенного В. И. Болотовым, как совокупности «каких-то признаков феномена в сознании индивида о чём-то, в определённом месте, в определённое время, в определённой ситуации общения» [1, с. 93], вполне можно говорить о СИ в концептологическом аспекте, выделяя при этом их персонифицированную маркированность.

Собственное имя, называя лицо, выделяет его из массы других, т.е. выполняет первичную функцию. Но многие имена, как бы сканируя личность, дают ещё и вполне конкретные, обособленные представления о ней.

Если язык самым непосредственным образом связан с выражением личностных качеств человека, а в грамматической системе многих языков закреплено отношение личности к той или иной её ипостаси [6, с. 562], то СИ как слово в наибольшей степени связанное с конкретным лицом (в какой-то степени его условная «калька»), безусловно, представляет его качественную определённую, семантическую фотографию.

Наполнение содержательной семантикой имени собственного – процесс, растягивающийся во времени, и чем больше исторического времени проходит, тем более метафорическим смыслом обрастает имя, больше ассоциаций с ним связывается. Возникает семантическая аттракция (уподобление) онима и денотата, и в «когнитивной памяти» (терминологическое определение С. Г. Воркачёва [2, с. 66]) собственного имени навсегда закрепляются характеристики денотата, комплекс его психофизических свойств, возможные модели поведения, предвидимые ассоциативные парадигмы, – словом, та самобытность и узнаваемость, которая и составляет сущность индивида. В языковом сознании говорящего собственное имя маркировано своей персоничностью. И поэтому в общей языковой картине мира, который связан с концептуализацией лица, индивида, онимы не только уникальны, незаменимы в силу своей предельной

сосредоточенности на единичном объекте, но и креативны.

Подтверждение сказанному можно найти в многочисленных примерах: *Нерон, Наполеон, Сталин, Чичиков, Болконский*, – нет смысла продолжать ряд и подтверждать цитатами, “когнитивная память” человека сразу рефлексивует на подобные имена. В них реализуется свойство антиципации – опережения представлений, предвидение дальнейшего содержания. Е. С. Отин отмечает, что с помощью онимов, обладающих метафорическим или символическим значением, «“переносно” именуется то, что при нейтральном стиле выражения могло быть обозначено посредством апеллятивов. При этом такие слова продолжают оставаться онимами» [5, с. 5].

Но, думается уместным сказать и о не столь известных онимах. Так, в повести Л. Андреева «В тумане» персонаж думает о брате: *“Но радость скоро прошла, и уже через полчаса Сергей Андреич смотрел на Павла и думал: кто этот чужой и незнакомый юноша. Он называется Павлом, и лицо у него Павла, и смех у него Павла. И когда он обгрыз сейчас верхнюю корку хлеба, то обгрыз её, как Павел, – но Павла в нём нет”*. Режиссёр О. Иоселиани: *«Жизнь Михаила Ромма, к великому сожалению, сломалась пополам: он снял чудесную картину «Пышка», а потом появились фильмы о Ленине. Почему-то Ромм влюбился в парадоксальный персонаж, о чём в конце жизни сильно пожалел. На закате своих лет Михаил Ромм опять стал Михаилом Роммом, но кино уже не снимал»; «Дягилев – явление чисто русское, хотя и чрезвычайное»* (В. Нестеров. Воспоминания о Дягилеве); рок-музыкант Ю. Шевчук говорит о себе: *«Работаю “Станиславским” в группе «ДДТ»»*.

Такие СИ вполне можно назвать понятийными категориями, но они к тому же создают законченные целостные образы – гештальты. Именно эта их партитивная структура позволяет осмысленно и ассоциативно воспринимать окружающий мир. И поскольку основное назначение языка – эксплицитно описывать этот мир, то логично полагать, что в языковых единицах заложена способность реализации общезначимых и общепонятных категорий, дающих конкретное представление о мире. И собственные имена, кроме того что полностью отвечают этой функции, выполняют ещё и сверхзадачу: формируют концептуальный мир. Имена, создающие калейдоскоп впечатлений, становятся креативными брендами: *“Мальчик растёт, окружённый обожанием и нежной заботой матери, бабушки, тёток. Золотое детство, ёлка, дворянское баловство, няня, Пушкин”* (В. Орлов. Гамаюн); из письма А. Вертинского Л. Никулину: *“Всем существом своим мы готовили революцию! Где мы? Спрашиваю я! Такое время! Время Маяковских, Велмиров Хлебниковых, Кручёных – где оно? Чем отобра-*

жено в твоей книге?”; Галина Волчек говорит о своём театре: *««Современник» действительно звёздный театр, в котором идут “на Неёлову”, “на Квашу”, “на Яковлеву”, “на Гафта”»*.

В одной из публикаций, посвящённых символичности онимов, нами отмечалось, что между онимом как вторичной (иной, не апеллятивной) номинацией денотата и онимом-знаком (обладающим совокупностью определённых смысловых признаков) наблюдается вполне естественная связь. Конкретная референтная соотнесённость онима крепко “держит” его в денотативных границах, а смысловая перспектива онима выводит его за пределы первоначальной номинативно-обозначающей функции, обнаруживает у имени тенденцию к динамической активизации семантических потенциалов, при этом практически всегда а priori существует детерминирующий ассоциат [4, с. 115]. В наибольшей степени символичность проявляется у художественно маркированных онимов. Но есть ещё одна группа онимов, само образование которых вызвано потребностью усилить суггестивно-ассоциативный потенциал. Речь идёт об отонимных окказионализмах. Окказиональные значения известных онимов возникают как результат актуализации коннотативных возможностей собственного имени, обусловленных его референтными свойствами. Значение этих слов является понятийным.

Практически каждое собственное имя коммуникативно динамично, его семантическое наполнение не раз и навсегда одинаково зафиксированная сущность, она подвижна. Одна из способностей имени к саморазвитию – в окказионализации. Возможность окказионализации онимов определена тем, что в их семантической структуре есть символическая составляющая, которая в некоторых условиях может возобладать. Почти каждое имя открыто для таких перспектив.

Способность имени к окказионализации – в его амбивалентности, которая в свою очередь, обусловлена ментально-психологическими (термин Е. А. Селивановой [6, с. 326]) возможностями индивида, образующими систему макроструктур, коррелирующих с образами, ассоциативной частью мышления, невербальными знаниями, чувствованиями, ощущениями и т.д.

В основе этих образований всегда лежит отражение понятийной сущности используемых имён. Так, в одном из самых известных отонимных окказионализмов в письме П. Вяземского: *“Я боюсь, чтобы в Петербурге Пушкин не разгончаровался”* – актуализация историко-социальных, культурологических коннотаций становится возможной благодаря особой роли онимов в концептологической картине мира. Доминирующая ассоциативная составляющая в семантической структуре таких слов объясняется их эгоцентрической природой: Родион Щедрин на-

зывает себя не балетоманом, а *майманом* (от *Маяя Плисецкая*); «*Имя Левитан стало выразителем особой прелести русского пейзажа. Чехов придумал слово “левитанистый” и употребляет его очень метко. “Природа здесь гораздо левитанистее, чем у вас”, – писал он в одном из писем. Даже картины самого Левитана различались – одни были более левитанистыми, чем другие*» (К. Паустовский. *Исаак Левитан*); лозунг семинара в американском университете для старших студентов: «*Давайте гоголизироваться!*» (В. Аксёнов); «*Настало утро обездзугаишвиленого мира*» (В. Аксёнов); «*У него висела забавная фотография. На ней сидят Д. и Г. в самом омархай-ямнейшем настроении*» (Э. Радзинский); каламбур Достоевского о Страхове Н. после его перехода к Л. Толстому: «*затолстее, как Страхов, затолстел человек*» (В. Кирпотин. *Мир Достоевского*); Гамлет об актёрах: «*Они готовы Ирода переиродить*» (Шекспир).

Обращает на себя внимание продуктивность появляющихся в последнее время отонимных окказионализмов, называющих уровень, степень какого-либо качества индивида, некое явление, процесс в обществе. Это свидетельствует о семантической амбициозности онимов, что позволяет им не только естественно входить в концептуальное пространство, но и самим его образовывать. Несколько примеров, демонстрирующих это свойство: «*Порядочность Кирилла Лаврова была притчей во языцех: это драгоценное цело-*

веческое качество предлагали измерять в “лаврах”» (Литературная газета); «*Но ведь “акунизация” всей страны, которую Борис Акунин с самого начала обещал, случилась-таки*» (АиФ); Эдита Пьеха: «*А. Броневицкий называл меня неуклюжей черепехой*»; «*Не просить о возвращении двух миллионов, которые у меня вчера налоговая инспекция сченомырдила*» (Б. Акунин. *Алтын-толобас*); «*В Грузии Сорос готовил революцию, Жвания – сильный политик, а Саакашвили – слабая фигура, он просто по дороге окружал себя соросятами*» (Ю. Караулов).

Несмотря на спонтанность, оригинальность подобных отонимных окказионализмов, существенным представляется то, что случайность этих образований только кажущаяся. Их появление в языке высвобождает ту внутреннюю энергию, которая является источником саморазвития языка. Эти отонимные слова не составляют какой-то особой группы онимных образований, принципиально отличающихся от них понятийным содержанием. Они лишь, возможно, в большей степени раскрывают персонифицированную маркированность значения слова.

Таким образом, общим и для «обычных» онимов, и для онимных и отонимных образований является их отмеченность лингвокультурологической спецификой и креативной направленностью.

Исследование собственных имён в плане их функционирования как особой эстетической реальности – перспективный путь их изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотов В. И. А. А. Потенция и когнитивная лингвистика / В. И. Болотов // Вопросы языкознания, 2008. – №2. – С. 2-96.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки, 2001. – №1. – С. 64-71.
3. Гуреев В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания / В. А. Гуреев // Вопросы языкознания, 2004. – №2. – С. 57-67.
4. Иванова Н. И. Об активизации семантической перспективы онимов / Н. И. Иванова // Восточноукраинский лингвистический сборник: выпуск восьмой. – Донецк, 2002. – С. 113-120.
5. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён / Е. С. Отин. – Донецк, 2004. – 412 с.
6. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – К. 2002. – 237 с.
7. Степанов Ю. С. Константы, словарь русской культуры. Опыт исследования. / Ю. С. Степанов – М., 1997. – 385 с.

Иванова Н. І.

КРЕАТИВНІСТЬ ОНІМІВ

У статті поставлена проблема статусу власних імен у мовній системі, який визначається перекрестям у його семантичній структурі символічної складової і інформативного компоненту. Власна назва – компактний знак глибинного змісту. Коли онім реалізує змістовну, концептологічну орієнтацію, тоді він стає категорією креативною («*Λογος όνομαστική*», № 4, 2012, с. 6-10).

Ключові слова: асоціативні парадигми, креативність, концептологічна природа, маркованість, онім, егоцентричність.

Ivanova N. I.

THE CREATIVITY OF THE ONYMS

The article deals with the problem of the onyms status in the language-as- a system which is determined by the intersection of the symbolic constituent and the informative component in its semantic structure. A proper name is a compact sign of the kernel content. If content – conceptual orientation is realized in the onym it becomes an creativity category («Λογος όνομαστική», № 4, 2012, c. 6-10).

Key words: *associative paradigms, creativity, the conceptual nature, the marked character, onym, the egocentric character of onyms.*